

фронта» вообще не верит. Наоборот, высажется в таком духе, что в силу немецкой военной скрупулезности и основательности надо быть готовыми ко всяkim эвентуальным возможностям, в том числе и ко «второму фронту».

В ответ на просьбу имперского шефа печати он сказал: интервью должно быть дано тому иностранному корреспонденту, который до сих пор особенно охотно поддерживал работу немецкой прессы. Будет ли то представитель большой или малой, дружественной или нейтральной страны, никакой роли не играет: ведь интервью все равно — и в этом имперский шеф печати прав — напечатают газеты всего мира.

Разумеется, свои мысли на тему «второй фронт» он, шеф, мог бы высказать и в публичной речи. Но произносить речи без подходящего повода для них — опасно. Ведь интеллигентные люди и так сразу заметят каждую соринку в глазу и наверняка поймут, что такая речь должна довести до них определенные вещи. Если же такое намерение проявится слишком явно, желаемое воздействие заранее окажется иллюзорным. А если вопрос о «втором фронте» будет включен в интервью о проблемах Восточного похода, самое главное может быть сказано во второстепенных фразах, так чтобы это не бросалось в глаза. (...)

21.7. 1942 г. вечером
[«Вервольф»]

(...) По поводу хода развития в СССР, особенно в связи со сталинской крупной «чисткой» генералитета, шеф заметил следующее: совершенно неясно, не стали ли со временем противоречия между Сталиным, с одной стороны, и Тухачевским и его сторонниками — с другой так сильны, что Stalin боялся своего убийства этим кругом военных. (...) Миры Сталина и бывшего царского офицера Тухачевского настолько разошлись, что между ними возникла пропасть. «Гениальный» Stalin считал, что со своими планами мировой революции и своим запланированным нападением на Центральную и Западную Европу выиграть может только он, а переориентировка христианской веры с метафизического на материальное в конце XIX — начале XX в. не удалась.

Если вдуматься, Европе грозила бы огромная опасность, не нанеси он, шеф, своего удара. Ведь за Сталиным стоит еврей. Еврейский же лозунг диктатуры пролетариата требует ликвидации пролетариатом существующей системы господства, а затем распространения власти переплетенного с еврейством меньшинства народа, так как сам пролетариат руководить не способен.

При победе Сталина, таким образом, получился бы отвратительнейший коммунизм. (События испанской гражданской войны дали достаточные примеры для всех стран Центральной и Западной Европы.) Когда война закончится, Европа вздохнет с облегчением. Ведь поскольку с окончанием этой войны из Европы будет выкинут последний еврей, коммунистическая опасность с Востока будет уничтожена огнем и мечом.

22.7.1942 г.
[«Вервольф»]

Центральная Россия кажется по своей почве довольно большой «песочницей». Но зато Украина неслыханно прекрасна. Глядя с самолета, думаешь, что видишь под собой «землю обетованную». Климат на Украине мягче, чем у нас, скажем, в Мюнхене, земля — невероятно плодородна, а люди — особенно мужчины — ярко выраженные лодыри. Вчера я, сказал шеф, совершил поездку на катере по одной украинской реке, по Бугу, который по своему ландшафту похож на наш Везер, и берега его тоже покрыты лесом. К сожалению, берега поросли водорослями, земля по большей части невозделана или же на ней пасется скот, так как население, которому все достается без труда благодаря естественному плодородию, явно озабочено тем, чтобы не делать больше, чем безусловно необходимо. Повсюду видишь спящих людей. При этом украинцы достигли однажды невиданного расцвета культуры — я думаю, это было в XI—XII столетиях, в то время как сегодня их церкви обладают только дешевыми иконами со всякой мишурой. Наглядным доказательством их культурного регресса служат их музеи, которые, насколько я мог видеть, являются сбирающими всякого хлама и рухляди деревенско-патриархального характера.

22.7.1942 г. вечером
[«Вервольф»]

⟨...⟩ Во время беседы после ужина шеф исходил из констатации, что Советы стали бы для нас невероятно опасны, если бы им удалось под провозглашаемым КПГ лозунгом «Войне больше не бывать!» похоронить солдатский дух немецкого народа. Ведь в то самое время, когда они у нас внутри боролись при помощи террора КПГ, прессы, забастовок — короче говоря, всеми средствами пацифизма, Россия создавала невиданную военную промышленность.

Невзирая на пропагандировавшуюся в Германии болтовню о гуманизме, Россия удивительным образом использовала человеческую рабочую силу и при помощи стахановской системы побуждала советских рабочих трудиться не только быстрее, чем средний рабочий в Германии и в капиталистических государствах, но и дальше.

Чем больше мы знакомились с советскими условиями жизни, тем больше радовались, что уже нанесли удар. Ведь в ближайшие десять лет в СССР возникло бы множество индустриальных центров, которые постепенно становились бы все более недосягаемыми [для авиации] и создали бы Советам просто невероятное вооружение, в то время как Европа деградировала бы до уровня объекта советских планов мирового господства.

Потешаться над стахановской системой просто глупо. Вооружение Красной Армии — лучшее доказательство того, что эта сис-